

От редакции. Читателям «Амура», хорошо знакомым с рассказами Гульчеры Быковой, на этот раз предстоит встреча с иным жанром – эссе, которое, однако, при ближайшем рассмотрении проявляет своё глубинное родство с художественной прозой писательницы. Органично совмещая ипостаси художника слова и учёного-лингвиста, Г. Быкова создаёт узорчатый цветочный ковёр, в который вкраплены нити научного знания и факты автобиографии. А язык этого своеобразного эссе сродни языку народных песен и сказок, подчёркивая фольклорную основу всего творчества писательницы – как художественного, так и научного.

Эссе

СОЛНЫШКИ НА ПРИЩЕПКАХ

Эссе

Друзья и близкие знают: люблю красные маки и подсолнухи. А ещё обожаю ромашки, колоски, герани и... павловопосадские платки.

Почему маки? С ними всё понятно! Мои тюркские пра-пра-прабабушки и пра-пра-дедушки не могли не восторгаться дикими маками, что алым пламенем вспыхивали ранней весной в пустынных степях Средней Азии. Девчонкой я убежала за лесопосадки в степь, покрытую до самого горизонта красными маками да ещё лазоревыми и жёлтыми тюльпанами. Это когда мы жили в Янгиере, возникшем в Голодной степи как оазис (по-узбекски *янги* – новый, *ер* – город). От пыльных бурь люди защитили молодой город лесными полосами. Под саженцами люцерну посеяли, чтобы земля укреплялась и корни зноем не высушивало. Оросили улицы арыками, бассейны (хаусы) проточной водой заполнили.

Под виноградниками вокруг воды устроены достарханы – деревянные настилы, крытые домоткаными коврами. Посетители чайханы разуваяются и садятся, поджав под себя ноги, на ковры, уставленные пиалами с шербетом, белоснежной парвардой, янтарной курагой и сладким изюмом. Источают тонкий аромат сушёные афганские дыни на блюдах... Звучат национальные мелодии. Мужчины в тюбетейках и стёганных халатах, несмотря на зной, пьют обжигающий зелёный чай с восточными сладостями. А вокруг цветут роскошные белые акации, благоухают розы, виноград вьётся по стенам и беседкам. Это в городе, а за ним...

Выскачишь из лесопосадки – черноглазые маки полыхают так, что дух захватывает! И глядишь изумлённо на цветы, которые никто не сажал, не поливал, а они так отчаянно, так неистово буйствуют. Смотришь – не согласишься на чудо-красоту, что завораживала столько поколений моего азиатского рода. Несомненно, эта страсть – любоваться маками – досталась мне «по наследству» от моих узбекских предков по линии отца. Нет давно той весенней степи из детства, а генная пружина жива, и потому покупаю как ненормальная бокалы, блюдца, салатники и даже кастрюли с маками. И гляжу, и люблюсь ими, а перед взором – до самого горизонта полыхающая алыми цветами степь. И сердце радуется, и жить веселей.

Образы, от рождения дремлющие в нас, учёные называют архетипами. Это наиболее древние смыслы, сформировавшиеся в коллективно-родовом сознании народа, генетически закодированные и так переданные сквозь время нам, потомкам. Обнаруживаются они в языке на уровне древнейшего пласта ядерной лексики. Более поздние смысловые приращения именуются символами. Возникли символы очень давно – на первой ступени идеографического письма – рисунчатой идеографии, когда рисунок мог иметь два значения: прямое конкретное и более абстрактное переносное. Так, рисунок пчелы мог обозначать *пчелу* и *трудолюбие*, изображение ног – *ноги* и действие *идти*, рисунок глаза – *глаз* и *зрение*. Например, словом *пчела* издревле обозначалось насекомое, собирающее пыльцу с цветов и перерабатывающее её в мед. Это основное значение лексемы *пчела*. А потом с пчелой стали сравнивать трудолюбивого человека. Не надо объяснять почему. Такие дополнительные к основному значению смыслы являются символическими.

С помощью символов люди пытались и пытаются сделать видимыми и узнаваемыми свои идеи. Символы могут нести огромное количество информации, при этом оставаться простыми и легко запоминающимися. Общепринятая система жизненных символов позволяет людям чувствовать гармонию друг с другом, обществом, с космосом, побуждает к коллективным действиям. Именно вторичные смыслы, закрепившиеся за насекомым, животным или растением, являются основой символического образа. В этом всё дело. Ведь думаем мы не словами, а образами. Для этого в мозг человека от рождения «встроен» специальный механизм – универсальный предметный код (УПК). Универсальный, потому что он есть у всех людей на Земле. Предметный, потому что единицей этого кода является предмет, точнее, мыслительный образ предмета. У каждого человека свой набор символических образов в зависимости от национальности, которую, как известно, определяют два фактора: язык и территория.

Южане солнцу не умиляются, так как большую часть года в течение дня палящее светило испепеляет землю, убивая всё живое. И только ночью ненадолго приходит прохлада. Потому азиаты боготворят Луну. В газелях

Алишера Навои самые красивые девушки Луне подобны – луноликие. Налицо культ ночного светила.

Русские, чья родина – в основном территория холода, обожают Солнце как источник жизни. Долгими лютыми зимами северяне ждут не дождутся тёплых лучей, что пробуждают землю. Весной каждая травинка, каждый цветочек к солнцу тянутся, оживают леса и поля, вскрываются реки, птицы с юга прилетают. Мои предки-сибиряки Солнцу поклонялись. Именно у русских говорят: при солнышке тепло – при матушке добро. Недаром восточным славянам так полюбились подсолнухи, появившиеся в России в восемнадцатом веке. Сначала люди лакомились семечками, потом научились извлекать из них масло, а из отжима халву делали не хуже восточного шербета. Но главное – заметили, что этот крупный жёлтый цветок, по форме и цвету похожий на долгожданное светило, в течение дня сам поворачивается за солнцем, как зачарованный. И потому подсолнух во многих «холодных» цивилизациях – символ Солнца и животворного тепла. Обожаю подсолнухи!

Зимой намеренно кладу на обеденном столе две замшевые салфетки – в центре тёмный круг, а по краю жёлтые лепестки – то ли солнышки, то ли подсолнушки. Да не всё ли равно? Гляжу на них и чудится-блзнится лето. Под синим-синим небом поля пшеничные и подсолнуховые спеют, золотыми лучами пронизанные. Между ними роши берёзовые. В перелесках и на опушках – ромашки да голубые незабудки и колокольчики. На Алтае девчонкой бегала среди белоствольных берёз, грибы собирала, венки из ромашек и васильков плела и солнышку-колоколнышку радовалась. Вот эту дремлющую память случайно и разбудили во мне две мои салфетки. Постирала их как-то, повесила. Обернулась и ахнула – солнышки на прищепках!

Интересно, что символы, таясь в глубинах памяти, долгое время могут не обнаруживаться, не входить в светлое поле сознания. Человек в повседневной суете часто не подозревает, что эти образы с их древними смыслами могут проявиться в нём по самому неожиданному поводу. Я тоже не сразу выявила унаследованные мной символы. Некоторые обнаружили так внезапно, что удивиться не успела!

Как-то зашла в элитный магазин – по своему обыкновению поглазеть на гобелены, халаты, полотенца, простыни, пододеяльники. Интересно, какие цвета нравятся сейчас моей психике? Свои цветовые предпочтения (а они с годами меняются) мы выявляем бессознательно, что называется, по наитию. Неспешно перевожу глаза с одного изделия на другое. И отмечаю, на полотенца, простыни и халаты какого цвета мне приятнее любоваться.

Смотрю, смотрю – и глазам не верю. Неужели голубой стал нравиться? Ну да – голубой! Надо же! Хорошая новость! Всю жизнь отвергала этот цвет, как, впрочем, и синий.

...Лет десять тому назад, когда трудности навалились, с ног до головы была «зелёной», как лягушка. Сапоги зелёные, пальто, плащ, два костюма – всё зелёное. Цвет неумолимой тяги к жизни, стремления всё переделать и во что бы то ни стало преодолеть трудности. А

любители голубого, считают психологи, отличаются мечтательностью и романтизмом (этого добра у меня хоть отбавляй!). Любят путешествия (часто стремятся к морю, к воде) и ценят общение во всех его проявлениях (это точно обо мне!). Отношение человека с окружающими носят спокойный, свободный от конкуренции характер. Впрочем, рановато обрадовалась голубому. Надо ещё разобраться. При склонности к голубому, возможно, человек просто нуждается в отдыхе или даже лечении. Хотя в моём гардеробе всё чаще появляются вещи насыщенного голубого цвета... Это добрый знак!

Речь не о цвете. О символах. Так вот, хожу по магазину, смотрю на выставленную роскошь и к себе «прислушиваюсь». Вдруг чувствую: внутри у меня как будто что-то вздрогнуло, встрепенулось и потеплело... Пригляделась – ой, какая салфетка! Ахнула, взяла её в руки и застыла, поражённая. Прямо столбняк напал. Даже продавщица подошла и через плечо мне заглядывает. А на куске грубого льняного холста зеленовато-серого цвета в ряд, будто для гербария приготовленные, редко так на стеблях синие васильки вышиты вперемежку с поспевающими колосками да ещё с какой-то луговой травкой и фиолетовым ирисом. Всё просто, безыскусно, а так за душу взяло! Прочитала название незатейливого натюрморта – «Разнотравье». Смотрю на колоски да метёлки полевых трав – и глаз не могу отвести. Опомнилась и поняла – надо брать. Это – то же, что подсолнушки, маки, ромашки, то есть присущие только мне символы подсознания – системы конденсированного опыта. Не знала, не ведала, что полевые эти растения так милы, так дороги моему сердцу. А скорее всего – русским пра-пра-предкам моим по линии мамы нравилось любоваться на колосья да синие васильки, когда шли они босиком по краю спеющего ржаного поля.

Денег хватило на одну салфетку. Купила, пришла домой, положила на сосновый стол. Стою, любуюсь, как ненормальная, на эту неброскую красоту. Ну да, – размышляю, – полевые травы сорваны художником, разложены рядком и запечатлены в гобелене, как память о тех, кто любил и защищал мою застенчивую Русь.

Короток путь человека на земле, словно вспышка падающей звезды, что прочертит небосвод и погаснет. «Идёт ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на пути своём, и возвращается ветер на круги своя», – приходят на ум слова Екклесиаста. Не всё уходит в небытие. Самое ценное, непреходящее остаётся в памяти потомков не по их желанию, а по законам генной памяти. Удивительно, но факт: когда на стимул *поэт* в свободном ассоциативном эксперименте просят быстро назвать первое пришедшее на ум слово, восемьсот из каждой тысячи опрошенных русских отвечают: *Пушкин*. Не это ли имел в виду поэт, когда писал: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный, / К нему не зарастёт народная тропа». На стимул *часть лица* абсолютное большинство русских реагирует словом *нос*, на *фрукт* – *яблоко*, а на стимул *дерево* – неизменно отвечают: *берёза* или *дуб*.

Другие личностные символы могут осознаваться постепенно, годами. Например, никогда не задумывалась и, честно сказать, полжизни не знала, что так любезны

моему сердцу простые герани. А тут надумала новую квартиру купить. И в повседневной суете нет-нет да и всплывёт перед глазами видение: будто на лоджии будущей квартиры цветут-полыхают герани, бело-розовые фуксии, пышные бегонии, что в русских деревнях зовут Иваном-да-Марьей, – цветы, которые всегда любили женщины моего сибирского рода: мама, тётки, бабушки, прабабушки. Промелькнёт да исчезнет неясное видение.

В другой раз приснится, будто подхожу к новому дому, смотрю на свои новые окна, а в них не голландские пёстрые диффенбахии, криптомерии, араукарии, спатифиллумы или кротоны, которыми забиты нынче цветочные магазины, а ослепительно-белые, нежно-розовые или ярко-красные герани... «Надо пораньше посадить отростки, – задумала я ещё зимой. – Пусть крепнут, укореняются, а к весне, на самое новоселье, зацветут. Хорошо бы...»

Какое всё-таки удивительное жизнестойкое, энергичное, неприхотливое растение – герань! А листья-то, листья – такие упругие крепыши совершенной выразительной формы, насыщенного зелёного цвета. Ну а яркие соцветия – глаз не оторвать! И столько их на одном растении, и так подолгу не теряют они свежести и очарования, что диву даёшься!

Поставила в воду несколько отростков. Не теряя нарядного вида, они быстро пустили корни и принялись расти. Листья упругие, бойкие, жилки на них узорчатые, ворсинками припорошённые. Корешки мясистые, а уж стебли такие упругие да свежие, так и хочется потрогать! Работаю, спешу всё вовремя успеть, нет-нет да пляну на жизнерадостные отростки. Смотрю и радуюсь, будто их задорная энергия мне передаётся. Пора бы им в землю, да посадить не во что, и на рынок съездить некогда – ни минуты свободной.

Почему герани? – пытаюсь разобраться в себе. Их любила мама. И это странное желание, наверно, как запоздалая, вдогонку, память о ней, не знавшей ласки и внимания ни от мужа – моего отчима, ни от сыновей, да

и от нас, дочерей. Я встречалась с ней урывками, от случая к случаю. Как же теперь горько сожалею, что в заботе о муже, о детях, о работе, будь она неладна, забывала о ней, не могла или не стремилась найти для неё ласковые слова, обнять, поцеловать, благодарно прижаться к той, что самоотверженно и щедро положила свою жизнь к нашим ногам. А она ждала, ждала их, этих наших скупых знаков внимания. Понимаю это сейчас запоздало и с горьким упрёком.

Вообще-то ботаники называют герани пеларгониями. И это вовсе не сибирские цветы, как уверяла мама. Родина пеларгоний – Южная Африка, где до сих пор из них добывают эфирное масло. В России пеларгонии стали известны, как и подсолнухи, с восемнадцатого века под названием *герани*. Тогда у них были только белые цветки. С тех давних пор цветовая гамма растения, так приглянувшегося нашим бабушкам, расширилась.

Выходит, три века понадобилось моим сибирским предкам, чтобы сформировать и передать потомкам симпатию к этому незатейливому, неприхотливому комнатному растению, немодному нынче. Немодному? А между тем идёшь по заснеженной улице, смотришь на окна многоэтажек – то здесь, то там полыхают герани. Значит, не мне одной надо, чтобы они цвели на подоконнике.

Да, символы... Вот почему так милы сердцу россиян сибирские дикоросы, что и ныне растут по берегам холодных русских рек или в заповедных лесах: белоснежная черёмуха, раскрасавица рябина, пахучая лесная земляника, красная калина, сизая черника, дикая смородина, оранжевая облепиха, багряные клюква и брусника, алая недотрога костяника... Да ещё полевые цветы моей милой скромницы России.

Воспетые предками в старинных русских песнях, запечатлённые на рушниках, в золотой семёновской хохломе, русской эмали, на жостовских подносах, лаковых шкатулках, в павловских платках, они давно стали национальными символами и таятся в генной памяти как древние и дорогие сердцу образы подсознания.